

УДК 1(091)

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-196-207

Заметки о философии Георга Лукача

(по статье о Генрихе Гейне)

А. В. Шевцов

*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)
(МАИ)*

Москва, Россия

Аннотация

Рассматривается творчество Генриха Гейне так, как его представил в своей вступительной статье известный венгерский философ Георг (Дьёрдь) Лукач (1885–1971) к собранию сочинений Генриха Гейне (1797–1837), начавшему выходить в СССР в 1938 г. Беря за основу философско-поэтическое творчество Гейне, здесь изучается также не только концепция Лукача 1930-х гг., но и ряда современников Гейне, в частности философа, переводчика Фридриха Шлейермахера, философа Георга Гегеля. Даются оценка и краткое описание влияний Гегеля на Гейне в 1821–1823 гг. в Берлине, а также Маркса в 1843–1844 гг. в Париже. Затрагиваются и намечаются вопросы к будущим исследованиям, таким как неокантианские мотивы у Лукача, постгегельянство и младогегельянство Лукача, постановка вопроса о предмете философии у Гейне, о роли рецензии Шлейермахера на творчество Гейне.

Ключевые слова

Генрих Гейне, Георг (Дьёрдь) Лукач, Фридрих Шлейермахер, Георг Гегель, Карл Маркс, философско-поэтическое творчество Гейне, И. К. Луппол, Н. Я. Берковский, Шеллинг, М. И. Каринский

Для цитирования

Шевцов А. В. Заметки о философии Георга Лукача (по статье о Генрихе Гейне) // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4. С. 196–207 DOI 10.25295/2541-7517-2019-17-4-196-207

On the philosophy of Georg Lukach in the article on Heinrich Heine

A. V. Shevtsov

*Moscow Aviation Institute (national research university) (MAI)
Moscow, Russian Federation*

Abstract

In article the analysis of creativity of Heinrich Heine which was presented in introductory article by the famous Hungarian philosopher George (Dyoerd) Lukács (1885–1971) to collected works

© Горан В. П., 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 4
Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 4

in 1938 of Heinrich Heine (1797–1837) is considered. Having taken philosophical and poetic creativity of Heine, in the offered research not only the concept of Lukács, but also the thinker of the past, the critic who had, undoubtedly, an impact on Heine's creativity – the philosopher, the translator Friedrich Schleiermacher is studied. The assessment and brief description of Hegel's influences on Heine's world view, which took place in 1821–1823 in Berlin, as well as Marx in 1843–1844 in Paris, is given. Questions are touched upon and raised about future studies such as the Neo-Kantianism motifs of Lukács. Lukács's post-hegelism and young-hegelism, raising the question of the subject matter of philosophy at Heine, and the role of Schleiermacher's review of Heine's creativity.

Keywords

Heinrich Heine, Georg (Dyoerd) Lukács, Friedrich Schleiermacher, Georg Hegel, Karl Marx, Heine's philosophical-poetic creativity, I.K. Luppola, N.J. Berkowski, Schelling, M.I. Karinsky

For citation

Shevtsov A. V. On the philosophy of Georg Lukach in the article on Heinrich Heine *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 4, p. 196–207 (in Russ.) DOI 10.25295/2541-7517-2019-17-4-196-207

В статье рассматриваются некоторые малоизвестные страницы творчества венгерского философа Георга (Дьёрдя) Лукача (1885–1971), относящиеся к периоду 1940-х гг., когда Лукач проживал в Советском союзе. В 1929 г. Георг Лукач переехал в Москву, здесь он проживал вплоть до 1945 г. (за исключением 1931–1933 гг., когда он работал в Берлине), был сотрудником Института Маркса, Энгельса, Ленина, затем работал в журналах «Литературный критик» и «Интернациональная литература», а позднее Георг Лукач работал в Институте философии АН СССР, Лукач был членом Союза писателей СССР [Хевеши, 2009. С. 358]. К периоду жизни Георга Лукача в Москве относится его вступительная статья к изданному в 1938 г. полному собранию сочинений немецкого поэта, публициста и писателя Генриха Гейне (1797–1856). Это издание Гейне вышло под общей редакцией Н. Я. Берковского и И. К. Луппола, первый том которого был снабжен вступительной статьей Георга Лукача (С. VI–XLVIII) ¹. Примечательно, что Иван Капитонович Луппол (1896–1943) – русский философ, выступил редактором только 1-го тома собрания сочинений Генриха Гейне ². Об И. К. Лупполе, редактировавшем этот том со вступительной статьей Георга Лукача, есть статья А. Д. Косичева в энциклопедии «Русская философия» [2014. С. 351–352]. О Гейне находим упоминание и в предисловии И. Широкова к «Системе трансцендентального идеализма» Шеллинга, труд которого вышел в СССР в 1936 г. [Широков, 1936. С. VII]. Важно заметить, что Гейне слушал в Бонне, Гёттингене и Берлине лекции Ф. Вольфа, А. Шлегеля и Г. Гегеля. Гейне учился в 1821–1823 гг. в Берлине, где испытал влияние Гегеля. Об этом факте фило-

¹ Далее ссылки на эту работу приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

² И. К. Луппол – русский философ, специалист по диалектике, методологии истории философии, эстетике, автор книги о Дени Дидро (выдержала три издания, 1924, 1936 и 1960, переведена на французский язык, вышла в Париже в 1936 г.). И. К. Луппол академик АН СССР (с 1939 г.).

софского влияния Гегеля на Гейне особо говорит Георг Лукач на страницах своего предисловия. К 1843 г. относится знакомство и общение Гейне с К. Марксом, периода работы последнего над «Экономико-философскими рукописями 1844 г.». Феномен раннего немецкого романтизма периода конца XVIII – начала XIX в., тесно связан с Фридрихом Гёльдерлином, Фридрихом Шеллингом, Георгом Гегелем, а также с Клопштоком и Виландом. Это литературное течение естественным образом перешло в романтизм начала XIX в. В то время к зрелым романтикам относился Ф. А. Шлегель и отчасти молодой Гейне, который перешел от идеализма к социализму в парижский его период. Об этом времени писал представитель исторической школы неокантианства – Вильгельм Виндельбанд. На этом моменте творческой биографии Генриха Гейне заострил свое внимание Георг Лукач.

На первых страницах своей объемной вступительной статьи в 43 страницы Лукач дал социальный и исторический портрет поэта, писал о его жизненных условиях, о ситуации того времени в Германии. Лукач подчеркивал: «Противоречия социально-политической обстановки в Германии были определяющим моментом для публицистики Гейне, еще до его знакомства с Марксом» (С. XIII). Лукач традиционно для его времени 1930-х гг. писал, что в центре внимания Гейне в его парижское эмигрантское время была классовая борьба пролетариата против буржуазии и «...сделанная широкими мазками критика развития немецкой идеалистической философии, а также немецкой классической и романтической поэзии» (С. XIV). Естественным выводом из так обрисованной ситуации в Германии, завершением которой явилась гегелевская философия, был вывод о том, что идейные предпосылки революции в Германии подготовлены и далее следует только «...переход от философии к действию, к практической революции» (С. XIV). По Лукачу, Гейне не понял диалектическую связь противоречий реальной действительности и должен был их только констатировать, в то время как Маркс понял эту связь всех противоречий реальной действительности и установил, что по своей природе «эти противоречия являются объективным двигателем революционного развития» (С. XIV). Именно поэтому, как писал Лукач о трагедии Гейне, «критикуя первоначальный период рабочего движения, он сам не в состоянии <был> подняться до понимания марксовой теории научного социализма» (С. XXII). Гейне был прав в своей защите великого буржуазного наследия прошлого, например наследия Гёте и Гегеля, от нападок Людвиг Берне. Между Гейне и Берне (и Гейне и Берне оба были эмигрантами в Париже) возникали споры и непонимание, как относиться к романтическому наследию прошлых эпох: «Не случайно поэтому, что молодой Маркс намеревался публично выступить с защитой Гейне в его полемике с Берне» (С. XXII). Лукач подчеркивал важность сохранения памяти о культурном прошлом народа, его культурном наследии, что выразилось в произведении Гейне «Германия». Оно было как выступлением против позиции Берне, так и публицистическим и поэтическим выражением позиции самого

Гейне. Лукач оценивал это как эволюцию Гейне, которая «...достигает кульминационного пункта в период его дружбы с Марксом во время пребывания последнего в Париже (1843–1844) и затем вплоть до революции 1848 г.» (С. XXII]. Но еще более важно с точки зрения истории философии будет узнать, как высоко ценил Георг Лукач значение Гегеля для развития Гейне. Так, по Лукачу, это значение настолько велико, что его нельзя переоценить: «Вся историческая концепция Гейне (его взгляды на греков и христианство, на историческое значение Возрождения, Реформации, Французской революции, Наполеона и т. д.), вся Гейневская теория искусства (противоположность между античностью и современностью, понимание романтизма и т. д.) определялись Гегелем» (С. XXV).

Здесь Лукач специально указал, чем Гейне был обязан Гегелю, а именно что Гейне был «личным учеником Гегеля», и вместе с тем обратил внимание на то, как Гейне пытался преодолеть Гегеля, интерпретируя его» (С. XXV). Лукач здесь определял философские заслуги Гейне, состоящие в том, что Гейне являлся одним из передовых предшественников радикального младогегельянства. Однако, несмотря на свою дружбу в Париже с Марксом, он, Гейне, никогда не понимал философского значения работ Маркса, печатавшихся в «Немецко-французских ежегодниках». Лукач далее писал, что центральным пунктом критики Гегелевской философии со стороны Гейне становится преодоление ее консервативного характера, т. е. ее направленности на прославление <признание> существующей действительности как таковой. И Лукач здесь утверждал, что Гейне открыто нападает на эту составляющую Гегелевской философии. Но Гегель (как и практически любой философ) только констатировал положение вещей объективного мира, не давая при этом никакого рецепта по его (мира) переформатированию, перестроению, тем более – революционному преобразованию. Это, конечно, добавление к интерпретации Гейне самого Лукача. И вот как Лукач «выручал» своего «подопечного» Гейне, вводимого им, Лукачем, в новый, почти коммунистический мир, что якобы Гейне (!) был сто лет назад уже таким человеком будущего, который фактически предвосхищал своим творчеством сегодняшний день (1938 г.). Гейне распознавал все недостатки своего времени как в поэзии (немецкой, ибо отсталость немецкой действительности в сравнении с прогрессивной действительностью французской, послереволюционной, Наполеоновской – та действительность была заведомо лучше тогдашней немецкой!), так и в прозе (жизни в том числе). Поэтому Лукач так трактовал Гейне, что он, Гейне, увидел «...в консервативном характере Гегелевской философии продиктованную обстоятельствами “маскировку” и объявляет революционный характер этой философии эзотерическим учением самого Гегеля» (С. XXV). В этом смысле показательным представляется то, что Лукач здесь же в скобках утверждает «“Трубный глас страшного суда над Гегелем” Бруно Бауэра (1809–1882), в подготовке которого принимал участие и молодой Маркс, был кульминационным пунктом этой формы

радикальной интерпретации Гегеля» (С. XXV). Таким образом, Георг Лукач, во-первых, отвечал на идеологический запрос времени и места – он оказался в СССР с начала 1930-х гг., и сам разделял коммунистические взгляды. Поэтому Гейне он характеризовал как предвосхищавшего будущие справедливые времена, а Гегеля как представлявшего закосневший старый мир и его затвердевшую философию, которая должна разбиваться, поменяться только радикальным переустройством, как, впрочем, и сам мир. Такую картину писал Лукач, таким ему хотелось видеть Генриха Гейне, и таким в глазах Гейне виделись Лукачу Гегель и его философия.

Во-вторых, Лукач приводит один разговор Гейне с Гегелем, «в котором чрезвычайно ярко выразилось отношение Гейне к взглядам Гегеля на политику и религию. “Когда я однажды выразил свое неудовольствие по поводу формулы “Все существующее разумно”, он как-то особенно усмехнулся и заметил: “Можно было бы также сказать: “Все, что разумно, должно существовать”...» (С. XXVI). Это интересное свидетельство из истории философии, без сомнения, проливающее свет на неизвестные страницы жизни и творчества и Гейне, и Гегеля, и конечно, Лукача. Лукач писал, что «...Гейне интерпретирует Гегелевскую философию в смысле пантеистически завуалированного атеизма < и что он, Гейне, не был отвлеченным мыслителем и > ...принимал синтез Гегелевского учения на веру...»(С. XXVI). Лукач здесь подчеркивал, что юношеское, студенческое отношение Гейне к состоявшемуся профессору философии Гегелю было продиктовано не только пылкостью и тщеславием Гейне, но во многом и объективной реальностью жизни в тогдашней Германии. Что-де народ более не может воспринимать со смирением свою нищету в этом мире и жаждет скорейшего счастья в этом мире, что может гарантировать только коммунизм. А поэтому, интерпретировал Лукач мысль Гейне, не за горами у философов «великой школы» немецкого идеализма переход от теории к практике, или действиям.

Лукач увидел у Гейне, в характере его, Гейне, поэтического слога, в самой поэтике Гейне и радикализацию идей истолкованной таким образом Гегелевской философии, и ее синтез с сен-симонизмом, что дало Гейне «... возможность разглядеть в перспективе пролетарской революции проведение в жизнь Гегелевского “разума”» (С. XXVI). Вряд ли Гейне заглядывал куда-то глубже в Гегелевской истории философии или философии истории, чем только до идеи развития мирового духа в истории. Но уже эта идея дала Гейне необозримый открывшийся поэтический горизонт – он, Гейне, стал рассматривать всю всемирную историю «как борьбу между эллинами и назарейцами (под которыми он объединяет вместе евреев и христиан), он видит во всей духовной и политической истории нового времени борьбу спиритуализма с сенсуализмом» (С. XXVII). В этом смысле Лукач увидел у Гейне неустранимую религиозную основу. Иначе говоря, Гейне, по Лукачу, «противопоставляет религиозной потусторонности земную революционную посяторонность, но это противопоставление происходит

на основе религиозного обожествления посюсторонности» (С. XXVIII]. Лукач констатирует и слабость этого вывода Гейне, и распространяет этот вывод на всю его философию. Таким слабым моментом философской позиции Гейне Лукач определил положение о противоположности между материализмом и идеализмом, правомерность которой он формально признает, но на письме она заменяется Гейне противоположностью между сенсуализмом и спиритуализмом. Однако «попытка примирения диалектики с материализмом не есть просто личная философская тенденция Гейне; она представляет необходимую составную часть <как сказал Лукач> общеидейного брожения той эпохи, завершением и самым зрелым плодом которой явился впоследствии диалектический материализм Маркса» (С. XXVIII).

Что касается поэтики Гейне, то Лукач очень хорошо и глубоко ее характеризовал. Он писал о романтизме той эпохи, не раннем романтизме, но уже зрелом. Поэзия и вообще литературное творчество Гейне, по Лукачу, было связано с авторитетом Гете, с тем, что Гейне не смог примкнуть к политическим и поэтическим представителям демократического движения. Это видно и по книге Гейне против Людвиг Берне (1797–1837), и по записям Гейне о Платене, когда Гейне постоянно издевался над «метрическим мастерством» Платена. У Гейне был народный характер романтизма. «Гейне гораздо яснее, чем все другие его современники в Германии, видел внутреннюю связь романтизма с современным литературным движением. В этом отношении, Гейне также находится под влиянием гегелевской исторической концепции», – как писал о поэтике Гейне Георг Лукач (С. XXXVI). Лукач делал это, сводя все к проблемам борьбы пролетариата в эпоху развивающегося капитализма (и понятно почему) а также к противоречию между романтизмом и сентиментальностью слияния с природой, утверждая, что Гейне чувствовал эти противоречия, но еще не осознавал их причины и уж тем более не понимал, какой должна быть борьба.

Георг Лукач привел весьма любопытный рассказ о разговоре Гейне с Гегелем: Гейне «стал в мечтательном тоне говорить о звездах и называл их местопребыванием блаженных душ. Но учитель <Гегель> пробормотал себе под нос: “Звезды, гм-гм! Звезды не более как светящаяся сыпь на небе”. – «Но бога ради! – вскричал я <Гейне>, – стало быть, там наверху нет счастливой местности, где добродетель получила бы награду после смерти? Но он <Гегель>, пристально глядя на меня своими бледными глазами, резко сказал: “А вы хотите еще получить на водку за то, что ухаживали за вашей больной матерью и не отравили своего брата?”» (С. XLIV). Этот разговор двух исторических персон может послужить очень наглядной характеристикой личности философа Георга Гегеля. Как резюме, Лукач записал: «В дальнейшем Гейне продолжает развиваться в направлении того же поэтического изображения романтических настроений, исторически неизбежных иллюзий и их иронического разрушения» (С. XLIV). Ибо это фальшивая романтическая гармония мнимого единства человека и природы. Поэтому спасением

от романтизма будут либо Кантовский критический трансцендентализм, либо Гегелевская историко-философская метафизика. Но метод иронии в деле борьбы с романтизмом, выбранный Гейне, вскоре удачно будет использован в экзистенциализме Кьеркегором. Лукач в этом месте сравнивает с Рихардом Вагнером манеру письма позднего Гейне, как он говорит, манеру изображать иллюзии, лишённые веры и погибшие в самый момент их появления. Это влияние Гейне «на сознательно антиромантическую поэзию» последующей буржуазной эпохи продолжалось вплоть до конца XIX в. и проявилось, например, у Ибсена в его «Гедде Габлер» (С. XLVI).

Примечательно, что в своих комментариях к этому тому Н. Я. Берковский упомянул автора первой положительной рецензии на сборник Гейне, изданный Маурером. Вообще на книгу стихотворений Гейне, изданную у Маурера, дали отзывы: «Фарнгаген – в журнале “Gesellschaftler” (*Gesellschaftler*, нем. компаньон) (№11, от 19 января 1822), Карл Иммерман (“Kunst- und Wissenschaftsblatt” (нем. *Вестник по науке и искусству*), приложение к “Rheinisch-westfälischer Anzeiger”, № 23, от 31 мая 1822) и некто, подписавшийся буквами Schm., в том же “Kunst- und Wissenschaftsblatt” от 7 июня 1822. Последняя статья, весьма замечательна; существует предположение, что писал ее знаменитый Шлейермахер (так полагает Ф. Мельхиор вслед за Ю. Иессен)» [Там же]³. Знаменитый философ Фридрих Шлейермахер выдал, так сказать, «путевку в жизнь» молодому Гейне, как писал Берковский, цитируя Шлейермахера, резко отделявшего Гейне от господствовавших в Германии романтических тенденций и от школы Августа Шлегеля, у которого учился Гейне и которому подражал: «Господин Гейне однажды на страницах этого журнала заявил о себе как о последователе Шлегеля; также и в своих стихотворениях он вполне открыто говорит об этом. Но мы должны, – писал далее Шлейермахер, – обратить внимание господина Гейне на следующее: как бы основательно ни прошел он Шлегелевскую школу <т. е. романтическую школу>, как бы ни ободряли его учительные и “благосклонные” слова А.-В. Шлегеля, – все равно, ни в коем случае он не принадлежит к Шлегелевской школе» [Гейне, 1938. С. 377]. Шлейермахер считал, что эта школа романтиков, которую возглавлял Август Шлегель состояла из двух элементов, которых нет у Гейне – это рыцарский стиль или дух и клерикальное умонастроение. Шлейермахер в своей рецензии так описал позицию Гейне: «Единственный элемент, который оживляет про-

³ См.: Берковский Н. Я. Комментарии // Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. и коммент. Н. Я. Берковского и И. К. Луппола, вступ. ст. Георга Лукача. М.; Ленинград: Academia, 1938. С. 371403.

изведения Гейне, – это чистая гражданственность и чистая человечность; мы не найдем... <в произведениях Гейне ничего, никаких намеков на вещи> из которых, по существу, составлены и средневековые и школа Шлегеля, по средневековью тоскующая. Говоря короче, Гейне – поэт для третьего сословия (*tiers état*)» [Там же. С. 378].

Оценка, данная Шлейермахером поэтике Генриха Гейне, весьма близка и позиции Лукача: «Во всех стихотворениях Гейне господствует чистая объективность изображения, и в стихотворениях личных по своему источнику Гейне опять-таки строит объективный, определенный образ субъективных своих состояний» [Гейне, 1938. С. 379], – писал Фридрих Шлейермахер в своей рецензии. По Шлейермахеру, Гейне создавал «картины, которые, сопоставляясь друг с другом, образуя единое целое, вызывают к жизни глубочайшие философско-поэтические идеи». Шлейермахер называл стихотворения Гейне поэтическими иероглифами, которые выражают целый мир чувствований и созерцаний и которые «схватываются» в понимании. Это еще одна тема Шлейермахера, которую он подробно рассматривал в своем учении об эпохе, в связи с пониманием, молчанием, знанием из молчания, причем задолго, конечно, до Гуссерля.

Берковский называет Шлейермахера как «самого тонкого из критиков Гейне», и он ценит у Гейне больше всего именно реализм – ибо реализм для него – великая моральная сила. Шлейермахер писал о стиле Гейне следующее: «Во всех стихотворениях Гейне господствует чистая объективность изображения... он создает картины, которые, сопоставляясь друг с другом, образуя единое целое, вызывают к жизни глубочайшие философско-поэтические идеи» [Гейне, 1938, С. 379]. «...Заслуга Гейне состоит в том, что стихотворения, написанные им в духе народной песни, совершенно оригинальны как в отношении сюжета, так и в отношении поэтических оборотов» [Там же. С. 380]. Надо сказать, что современники и критики Гейне сближали его с Байроном и звание «немецкого Байрона» Гейне охотно принимал.

Фридрих Шлейермахер был одним из первых немецких ученых и философов, который занялся древностями, рукописями, положил начало собранию, систематизации и переводам античных источников. Во многом, благодаря усилиям Шлейермахера в Германии в 1830-е и 1840-е гг. зарождается и складывается школа доксографов (Брандис, Штраусс, Кранц, Дильс, Целлер и др.) [Шевцов, 2017б. С. 63; 2017а, С. 464]. Генрих Майер, автор предисловия к первому изданию труда Христофа Зигварта «Логика», относил к испытавшим влияние Шлейермахера на немецкую философскую мысль тюрингенских учеников Шлейермахера, Ф. Х. Баура и Давида Фр. Штраусса; от Штраусса восприняли интерес Шлейермахера к античным древностям и переняли эту традицию уже Эдуард Целлер и Христоф Зигварт. В Тюрингенском университете к 1840-м гг. сложилась сильная школа, представленная Фердинандом Христианом Бауром и Давидом Фридрихом Штрауссом. Баур был гегельянцем, но абсолютизм в философии в Тюрингене уже усту-

пил место критицизму. Как показал Майер, именно поэтому уже Зигварт усиленно штудировал Шлейермахера. Майер подчеркивал, что и Баур также почитал Шлейермахера, а вместе с Бауром также поступали его, Баура, ученики [Шевцов, 2017б. С. 68–71; Зигварт, 2008. С. 10–11]. Одним из учеников Баура был Эдуард Целлер, лекции которого и слушал Зигварт. Майер писал, что косвенно Зигварт был учеником Целлера, в 1855–1857 гг. Зигварт прочел несколько лекций и написал ряд статей о Шлейермахере. Майер писал, что «после кризиса 1848 г. в Германии окончательно разрушился идеализм Гегеля, тогда как Шопенгауэр и школа Гербарта стали силой для философии» [Зигварт, 2008. С. 12]. По Майеру, истинно философским образом мыслей является скептическое эпохе, которое ради реальности идеи знания рассматривает всякое отдельное проявление его как неадекватное – это, как верил Зигварт, было основной мыслью учения о познании Шлейермахера [Шевцов, 2017б. С. 69; Зигварт, 2008. С. 12]. Шлейермахер с января 1808 г. и до самой своей смерти в феврале 1834 г. читал в Берлинском университете лекции [Virmond, 2006. S. 103–112]. Кроме лекций по досократикам, по «Федру» Платона, по Аристотелю, Шлейермахер читал лекции по теме «Устная речь и письмо», по герменевтике и риторике. Фридрих Шлейермахер участвовал в долговременном издании всех античных текстов, из которых, в частности, «*Corpus inscriptioner Graecorum*» начал выходить с 1825 г. В этом проекте Шлейермахер возглавлял соответствующую комиссию. Фундаментальные знания Шлейермахером античных авторов очень пригодились, когда возникла потребность переводов и издания манускриптов, привезенных из Италии Иммануилом Беккером и Кристианом Августом Брандисом из библиотечной командировки с 1817 по 1820 г. По этому поводу 6 марта 1821 г. начала заседать возглавляемая Шлейермахером комиссия по Аристотелю. Результатом работы этой комиссии было издание Беккером⁴ десять лет спустя трехтомника Аристотеля. Шлейермахер как секретарь и член комиссии (с 1811 по 1830 г.) получил разрешение сформировать группу ученых, результаты заседаний которой были опубликованы в 27 трактатах и 25 докладах.

Так, свой лекционный курс в Гейдельбергском университете в 1871/1872 уч. г. Э. Целлер посвятил психологии как теории познания, он сводил психологию к теории познания как к эмпирической науке, при этом отрицая априорность души, поскольку душевные явления должны познаваться только индуктивным путем, т. е. на основе наблюдений. Однако логика построения Целлером своего курса соответствовала логике педагогических трудов Шлейермахера, вопросу, как передать знание, проблеме обучения. Понятие эпохе Шлейермахера смыкалось с проблемой понимания. В первом русском издании труда Шлейермахера «Речи о религии. Монологи» 1911 г.

⁴ Aristoteles Opera ex recensione I. Bekkeri. Berlin: Academia Regia Borussica. 1831. 3 Bd.

автор перевода С. Л. Франк писал в своем введении «Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера», что у него была разработана концепция религиозного переживания, явление эмоционального знания, что предвосхищало теорию эмоциональной очевидности Brentano [Франк, 1911].

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования вступительной статьи Георга Лукача по Генриху Гейне, очевидно, что работа Георга Лукача в СССР в 1940-е гг. была весьма плодотворной. Венгерский философ провел серьезную работу, результатом которой стала вступительная статья к изданию полного собрания сочинений Генриха Гейне. Эта работа, безусловно, поспособствует вписыванию имени самого Лукача, повлиявшего своей работой в СССР на развитие философии в нашей стране. Немаловажно и то, что данный труд Лукача позволяет по-новому взглянуть на творчество Генриха Гейне – а именно, с историко-философской и философско-поэтической стороны. Кроме того, здесь выстраивалась целая философия в комплексе – показать не только Лукача и его истолкования творчества Гейне, но и продемонстрировать развитие философско-поэтической линии творчества поэта в развитии, узнать мир Гейне поближе и определить тех, кто оказывал воздействие на его сочинения. Продлевая путь как бы «в обратную сторону», мы получили выход на Георга Гегеля, Карла Маркса и Фридриха Шлейермахера. Как выяснилось, Шлейермахеру принадлежит первая и главная в жизни поэта Гейне положительная рецензия, которая, безусловно, послужила толчком к дальнейшему раскрытию творческого потенциала немецкого поэта XIX в. Скорее всего, если бы не было этой благосклонной рецензии самого Шлейермахера, вряд ли мы сегодня смогли бы по-новому взглянуть на философско-поэтическое творчество Генриха Гейне. И конечно, без серьезного труда Георга Лукача, его вступительной статьи, развитие философии в нашей стране выглядело бы не полным.

Список литературы / References

Гейне в воспоминаниях современников / сост., предисл., науч. подготовка текста и комментарии А. Дмитриева. М.: Художественная литература. 1998. 594 с.

Geine v vospominaniyah sovremennikov [Heine in the memories of contemporaries / Foreword, scientific prep. of the text and comments by A. Dmitriev]. Moscow, Fiction Publ., 1998. 594 p. (In Russ.)

Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. / под общ. ред. Н. Я. Берковского и Н. К. Луппола; коммент. Н. Я. Берковского, вступ. статья Г. Лукача. М.: Гос. изд-во «Художественная литература». 1938. 420 с.

Heine H. Polnoe sobranie sochinenii [Collections compositions: In 12 vol. / Ed.

by N. Y. Berkovsky and N. K. Luppol, comments by N. Y. Berkovsky, introductory article by G. Lukach]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoi literatury, 1938. 420 p. (In Russ.)

Зигварт Хр. Логика / Предисл. Г. Майера. М., 2008.

Sigwart Chr. Logika [Logic] / The Foreword by H. Mayer. Moscow, 2008. 464 p. (In Russ.)

Косичев А. Д. Луппол Иван Капитонович // Русская философия: Энциклопедия. 2-е изд., дораб. и доп. / под общ. ред М. А. Маслина. Сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков. М., 2014. С. 351–352. 832 с.

Kosichev A. D. Luppol Ivan Kapitonovich: Russkaya filosofiya. Enzyklopediya [Russian Philosophy: Encyclopedia. 2nd Ed., Pre-Work and Additional. / under commonly. Red M. A. Maslin. Сост. P. P. Apryshko, A. P. Polyakov]. Moscow, 2014, p. 351–352. 832 p. (In Russ.)

Лукач Г. Генрих Гейне / Вступительная статья // Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. / под ред. и коммент. Н. Я. Берковского. М.: Гос. изд-во «Художественная литература». 1938. Т. 1. С. XI–XLVIII. 420 с.

Lukach G. Genrih Geine / Vstupitelnaya statiya [Heinrich Heine / Introductory article]. *Heine H. The complete collection of works*: In 12 vol. / under ed. and comment. N. Y. Berkovsky]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo “Hudozhestvennaya literatura”. 1938, vol. 1, p. XI–XLVIII. 420 p. (In Russ.)

Франк С. Л. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера // Шлейермахер Ф. Д. Речи о религии. Монологи / Пер. С. Л. Франка. М., 1911.

Frank S.L. Lichnost' i mirovozzrenie Fr. Shleiermahera [Fridrich Schleiermacher's personality and worldview]. Schleiermacher F. D. Rechi o religii. Monologi [Schleiermacher F. D. Speeches about religion. Monologues / Transl. S.L. Frank]. Moscow, 1911. (In Russ.)

Хевеши М. А. Лукач Дьёрдь // Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика, 2009. С. 358. 846 с.

Heveshi M. A. Lukach Diord'. Filosofskii slovar' [Philosophical Dictionary] / ed. by I. T. Frolov. Moscow, Respublika Publ., 2009, p. 358. 846 p. (In Russ.)

Шевцов А. В. Логико-гносеологическое учение М. И. Каринского в сопоставлении с идеями Х. Зигварта и Ф. Шлейермахера // Русский логос: горизонты осмысления: Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25–28 сентября 2017 г. В 2-х тт. СПб., 2017а. Т. 2. С. 463–468. 560 с.

Shevtsov A. V. Logiko-gnoseologicheskoe uchenie M. I. Karinskogo v сопоставlenii s ideyami H. Zigvarta i F. Schleiermachera [The logico-gnoseological teaching of M. I. Karinsky in comparison with the ideas of H. Sigwart and F. Schleiermacher]. *Russkii logos: gorizonty osmysleniya*. Materialy mezhdunarodnoi filosofskoi konferentsii [Russian logos: horizons of reflection: Proceedings of the International Philosophical Conference]. St. Peterburg, 25–28 september, 2017a. In 2 vol. 2017a, vol. 2, p. 463–468. 560 p. (In Russ.)

Шевцов А. В. М. И. Каринский и русская гносеология конца XIX – начала XX века. М.: Мир философии. 2017б. 303 с.

Shevtsov A. V. M. I. Karinsky i russkaya gnoseologiya kontsa XIX – nachala XX veka [M. I. Karinsky and Russian gnoseology at late 19th –early 20th century]. Moscow, Mir filosofii, 2017б, 303 p. (In Russ.)

Широков И. Шеллинг и его «Система трансцендентального идеализма». Предисловие / Шеллинг Ф. В. И. Система трансцендентального идеализма. Ленинград: Соцэкгиз. 1936. С. V–XIX. 479 с.

Shirokov I. Shelling i ego «Sistema transcendental'nogo idealizma». Predislovie [Schelling and his «System of Transcendental Idealism». Preface]. Leningrad, Socekgiz, 1936, p. V–XIX. 479 p. (In Russ.)

Virmond W. Schleiermacher als Dozent in der Berliner Universität. *Schleiermacher-Tag 2005*. Eine Vortragsreihe / Hrsg. Günter Meckenstock. [Schleiermacher as a docent in Berlin university / ed. by Günter Meckenstock]. Dezember. Jahrgang. Göttingen, 2006, no. 4, p. 103–112.

Материал поступил в редколлегию

Received

23.09.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Шевцов Александр Викторович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Института инженерной экономики и гуманитарных наук Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет) (Волоколамское шоссе, 4, Москва, 125993, Россия)

Alexander V. Shevtsov, Candidate of Science (Philosophy), senior lecturer Institute of social ingeneering and humanities of Moscow aviation institute (national research university) (4 Volokolamskoe Ave., Moscow, 125993, Russian Federation)

ashevzov@mail.ru